

БИБЛИОТЕКА ИМПЕРАТОРСКОГО
 9 ФЕВ. 1902
 НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГАЗЕТЪ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 5546

Суббота, 9-го февраля 1902 г.

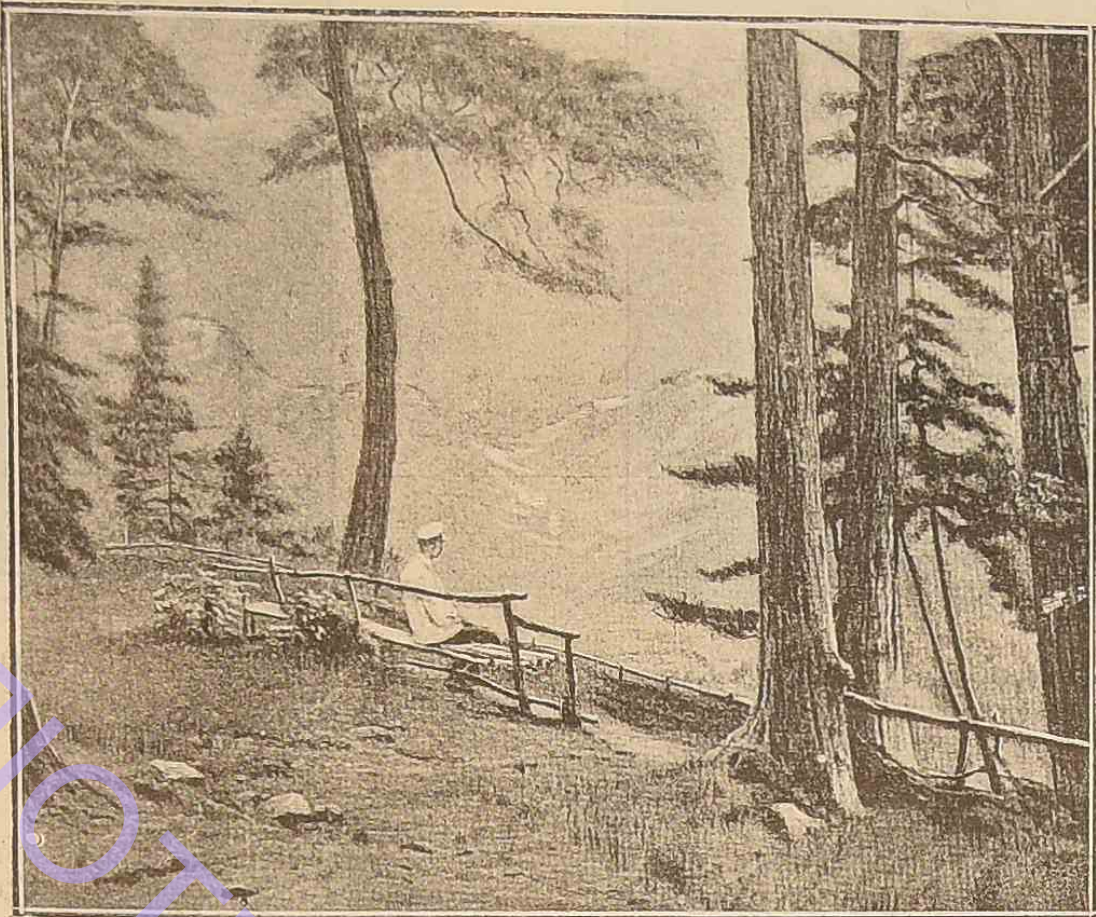
№ 5546

Арабская сказка.

Густава Данилевскаго.

Переводъ съ польскаго для „Од. Нов.“
 Лидіи Лебедевой.

Ватеринный по срединѣ Ти- хаго океана лежалъ когда то островокъ, названный „Амо“. Слово это имѣетъ то общее съ латинскимъ словомъ „люблю“, что на мѣстномъ нарѣчій значило „счастье“. И въ самомъ дѣлѣ хорошо жилося людямъ рожденнымъ на томъ островѣ. Когда они въ день великаго праздника „Коліон“ (что значитъ: зна- ніе грядущаго) возвращались домой, лица ихъ были ясны, какъ солнце, только что вставшее изъ голубой волны, а веселымъ ихъ пѣснямъ тихо вторила пѣснь океана. „Коліон“ мно- гозначительный день для жителей острова и многозначительна вдвойнѣ его ночь. Въ эту ночь, въ морскихъ волнахъ, возможно было прочесть судьбу свою за цѣлый новый годъ.

Пребываніе въ Бозѣ почившаго Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Георгія Але- ксандровича въ Абастуманѣ. Картина І. Е. Крачковскаго

печальна? Море такое доброе! Бѣлые только цвѣты бросило сегодня къ но- гамъ моимъ... Цвѣты душистые, бѣ- лыя...

Сказавъ это, Вига вдругъ улыбу- лась, какъ майское утро и, съ кри- комъ „Мотылекъ! Мотылекъ!“ побѣ- жала ловить мотылька-великана. И смѣхъ летѣлъ передъ ней, летѣла пѣсня, летѣли лучи и любовь. Цвѣты тянулись ей вслѣдъ, блестящіе, нѣж- ные, и, смѣяте ея ногой, становились ярче, нѣжнѣй... Такъ, по крайней мѣрѣ казалось Стону.

Пѣвецъ, нѣмой и дрожащій, остался одинъ. Въ груди его дрогнули новыя струны. Зачѣмъ это Вига рванула тѣ струны? Пусть скажетъ влюбленная въ соловья безмолвная ночь; пусть скажетъ веселое пламя, что ярко го- ритъ въ ночи морозныя, темныя, пусть скажетъ смѣхъ, таящійся въ свѣтлыхъ слезахъ; пусть скажутъ другіе, тыся- чу другихъ контрастовъ, которые вѣчно съ такой непостижимою силой другъ къ другу льнутъ...

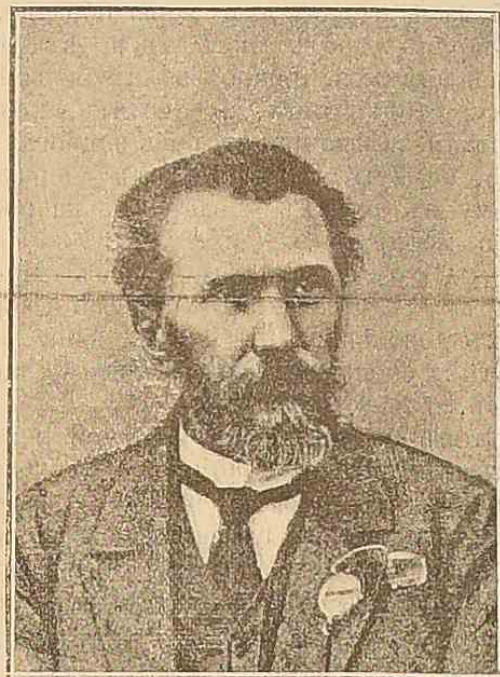
Съ того дня Стонъ ходилъ, какъ въ чадѣ; смѣхъ Виги звенѣлъ без- престанно въ ухахъ его; ея блескъ ослѣпилъ его очи. Бывало, она про-

Профессоръ Н. В. Филатовъ,
 извѣстный педіаггъ.
 † 26 января 1902 г.

Эрцгерцогъ Райнеръ австрійскій и его супруга Марія.
 8 февраля праздновали свою золотую свадьбу.

П. И. Кичеевъ,
 извѣстный театральнй критикъ.
 † 24 января 1902 г.

Все живущее спѣшило вечеромъ на берегъ моря, и море бросало къ но- гамъ любопытнаго его судьбу въ видѣ бѣлыхъ и черныхъ цвѣтовъ: бѣлые предвѣщали счастье, черные—горе и слезы. Лепестки тѣхъ душистыхъ цвѣтовъ могли передать всѣ тайны судьбы, да не успѣвали никакъ. Вѣдъ юное въ ту пору солнце двигалось быстро по небесному своду; ночи были коротки и день наставалъ торопливо... Съ первымъ лучемъ алой зари волны

уносили цвѣты и погружали ихъ въ свою глубь... И лепестки такъ и оста- вались не разга- да, не прочита и много счастья, много горя исчезло безслѣдно. И вотъ однажды жители острова весело шли домой. На зарѣ — въ тотъ годъ было много, много бѣ- лыхъ цвѣтовъ; какъ стая бѣлыхъ го- лубей, покрыли они берега, и въ этой ворожѣ счастья, брошенной на бе- регъ добродушнымъ моремъ, совсѣмъ ис- чезли черные цвѣ- ты. Но Стонъ, пѣ- вецъ того острва, безмолвный и гру- стный, остался на берегу—онъ видѣлъ у ногъ своихъ чер- ные лиліи. Была между ними одна только бѣлая и въ ней онъ прочелъ, что встрѣтится съ „Вигой...“ „Что это значитъ?“— думалъ

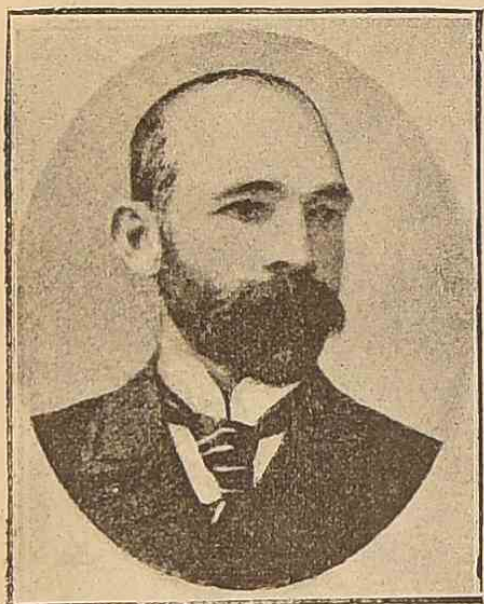
Бронзовый бюстъ Джузеппе Верди,
 открытый въ Миланѣ на „Cimitero mo- numentale“ 13-о января въ день го- довщины его смерти.
 Бюстъ представляетъ великаго композитора въ эпоху творенія „Фальстафа“, работы скульптора Квадрелли.

пѣвецъ. А солнце тѣмъ временемъ ба- гровымъ заревомъ залило морскую грудь и заиграло яркимъ блескомъ на струнахъ лиры по- эта. Лира та была выточена изъ розо- вой раковины. Стонъ всталъ, взялъ пѣвѣ- чую раковину и, усевшись въ тѣни деревьевъ, тихо сталъ играть. И эхо ему отвѣтило: „Бла- годарю!“ Стонъ вздрогнул... лира упала изъ рукъ его: передъ нимъ стояла красавица, вся за- литая солнцемъ и сама ясная, какъ солнце.

— Кто ты?— спро- сивъ онъ и рукою прикрылъ глаза— ихъ ослѣплялъ ея блескъ.

— Я Вига.— ска- зала она,— и воз- вращаюсь съ Колі- она. Слышу пѣсню... О, какъ красива она, но печальна... Зачѣмъ она такъ

мелькнетъ недалеко, а онъ подойти не рѣшится... Зачѣмъ? Никто, никогда не узналъ. Прошелъ годъ. Вотъ и ка- нунъ Коліона—толпа попрежнему стремится на берегъ моря. Но всѣ притихли, молчали, а море шумѣло, зловѣще шумѣло. Эта безвѣдная, чер- ная ночь—дурная примѣта, по мнѣнію старцевъ... И въ самомъ дѣлѣ морской приливъ нанесъ много черныхъ цвѣ- товъ. Стоитъ Стонъ и своей волны

А. Канчевъ,
 болгарскій министръ народнаго про- свѣщенія, недавно убитый уволеннымъ съ мѣста учителемъ Каранджуловымъ.

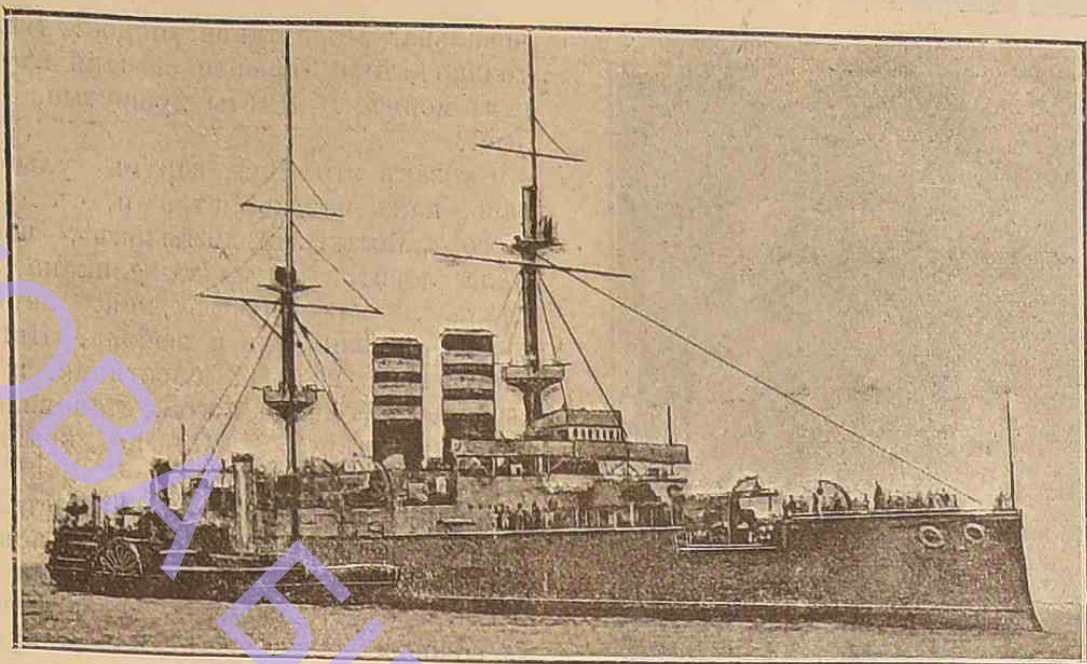

Англо-японскій союзъ.
 Баронъ Гайати, японскій посланникъ въ Лондонѣ, первый возмѣвшій мысль о союзѣ и ее ошествовавшій.

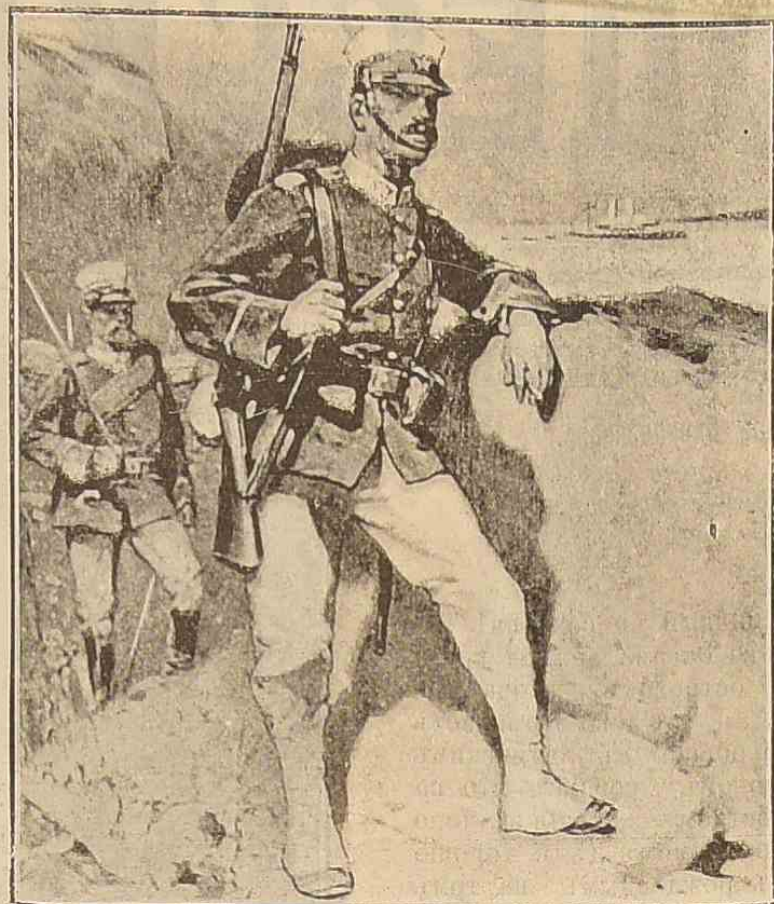
поджигает. И вдруг всплыла черная роза, потом черная ланцет—гореть бѣлоспѣныхъ гвоздикъ и, наконецъ, цвѣтокъ безъ имени и цвѣта, безъ аромата...

Стонъ понялъ, что этотъ цвѣтокъ

Не ошибась Вига, повѣривъ Стопу—онъ былъ счастливъ тѣмъ, что избавилъ ее отъ страданія. Не забудьте: Стопъ любилъ Вигу даже сильнѣй, чѣмъ розовую свою лиру съ ее звенящими струнами. И вотъ, сидя однажды

„Миказа“, величайшій японскій броненосецъ, сооруженный въ самой Японіи.

Типъ японскаго пѣхотинца.

Англо-японскій союзъ.

безъ цвѣта и имени—смерть! Глаза его затуманили слезы и задумался онъ глубоко.. Сильный ревъ моря, предвѣщавшій близкій разсвѣтъ, разбудилъ его. Онъ взялъ одинъ изъ бѣлыхъ цвѣтотъ и сталъ его изучать.

„Увидишь Вигу.“ прочелъ онъ на лепесткахъ, прижалъ ихъ къ бѣднымъ губамъ и отдалъ ихъ морю обратно.

Вдругъ передъ нимъ, вся въ бѣлыхъ цвѣтахъ, точно въ лебяжьей пуху, стоитъ Вига, и блеститъ, какъ свѣтлая звѣздочка, въ почъ непроглядную, темную. Вига держитъ черную дрему въ рукахъ—подарокъ капризнаго моря.

— Смотри!.. Смотри, пѣвецъ! Много бѣлыхъ цвѣтотъ у меня, но и черныхъ довольно...—И слезы одна за другой, скользили по пѣвчимъ щекамъ.

Стонъ подошелъ, не далъ ей крикнуть, не далъ ей опомниться... Онъ вырвалъ изъ рукъ ее черную дрему, кинулъ ее въ въ глубь своей волны гадальницы, а къ ногамъ Виги рассыпалъ градъ бѣлыхъ цвѣтотъ—все свое счастье.

Вига всплеснула руками.

— Что ты дѣлаешь, Стопъ? Не хочу... Не хочу, чтобы ты слезы мои осушалъ своимъ счастьемъ и плакалъ моею слезою!

Но Стопъ, опустивъ глаза, злалъ, что счастьемъ пресыщенъ, что жадеть горю узнать. И успокоилась Вига, повѣрила сказкѣ и убѣжала домой. Стопъ долго слышалъ переливъ ее серебрянаго смѣха...

Народъ возвращался... Темная ночь становилась ясенѣй и ясенѣй; изъ черной сѣдалась сѣрой. Вспыхнулъ алый лучъ на дальнемъ Востокѣ. Синія волны моря блистали то мѣдью, то золотомъ, покрылись радужной чешуей.

въ тѣни высокихъ пальмъ, онъ почувствовалъ, что силы его покидаютъ и что смерть недалеко. Сумерки пали на землю; лѣбъ притихъ; птицы видѣли сны; вечернія волны съ прощаль-

ною пѣснейю гремѣли о скалы... А Вига не шла!

Стонъ захотѣлъ вѣтать и не могъ—онъ боролся о смертью и вдругъ слышитъ пѣсни и смѣхъ. Вига шла

по дорогѣ въ толпѣ молодыхъ рыбаковъ и не замѣтила Стона—прошла мимо!

И онъ захотѣлъ въ послѣдній разъ заглянуть въ ее очи и слабой рукой рванулъ струны розовой лиры. Она прозвенѣла—но Вига шла дальше. Стопъ вторично рванулъ всегда послушныя струны, но не издали звука онѣ... Оборвались. Тогда, обезумѣвъ, онъ схватилъ свою лиру, хотѣлъ изъ лиры исторгнуть прощальную пѣсню, но такъ и застылъ съ розовой лирой въ рукахъ и съ отчаяньемъ на лицѣ...

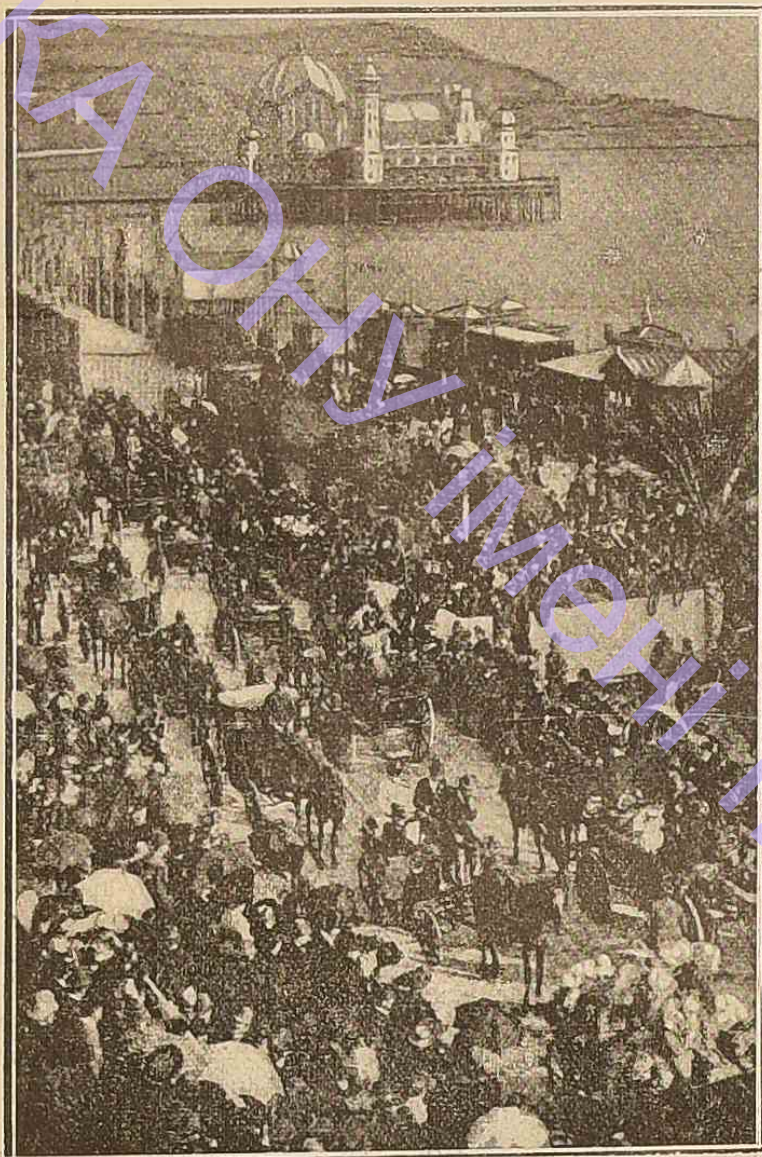
Стонъ лежалъ, повернувшись бѣднымъ лицомъ къ далекому небу. Ночь водарила. Кровавыя звѣзды зажглись въ небесахъ, алмазы вечерней росы блеснули на травахъ. Одна звѣзда зарыдала, увидѣвъ холодный трупъ Стона, и слезы ее метеоромъ упали въ морскую волну. Западный вѣтеръ, влюбленный въ ту лучистую звѣздочку, все это повялъ и такъ тяжело вздохнулъ, что вздрогнули камыши.

Западный вѣтеръ рыдалъ и отъ силы этихъ рыданій пальмы склонили къ землѣ свои зеленія головы. Тогда, однимъ могучимъ усилиемъ вѣтеръ схватилъ безжизненный трупъ поэта и бросилъ его въ глубину моря.

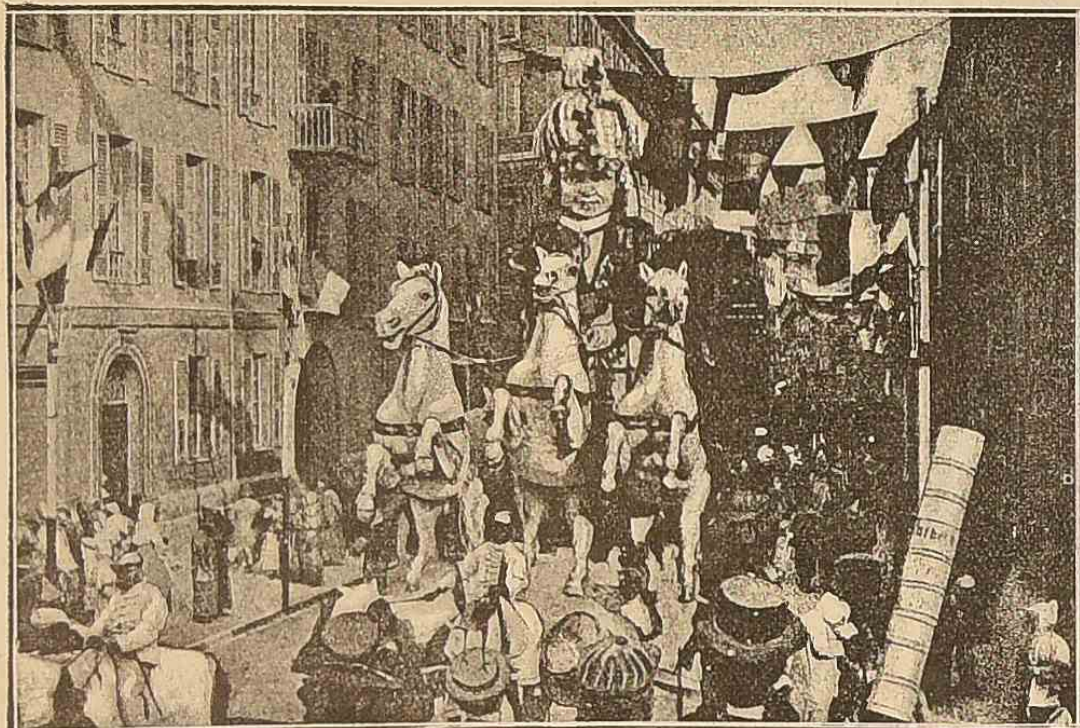
Застонали синія волны: любопытныя водоросли удивленно слѣдили за тѣмъ, какъ Стопъ съ розовой лирой въ рукахъ медленно шель ко дну...

Ужъ нѣтъ того дальняго острова и море никому на землѣ не даритъ бѣлыхъ цвѣтотъ. Но лира пѣвца, говорить, уцѣлѣла въ морской глубинѣ, гдѣ дрожатъ еще ее струны. И въ такія ночи слышать, какъ волны, касаясь тѣхъ струнъ, звенятъ и играютъ...

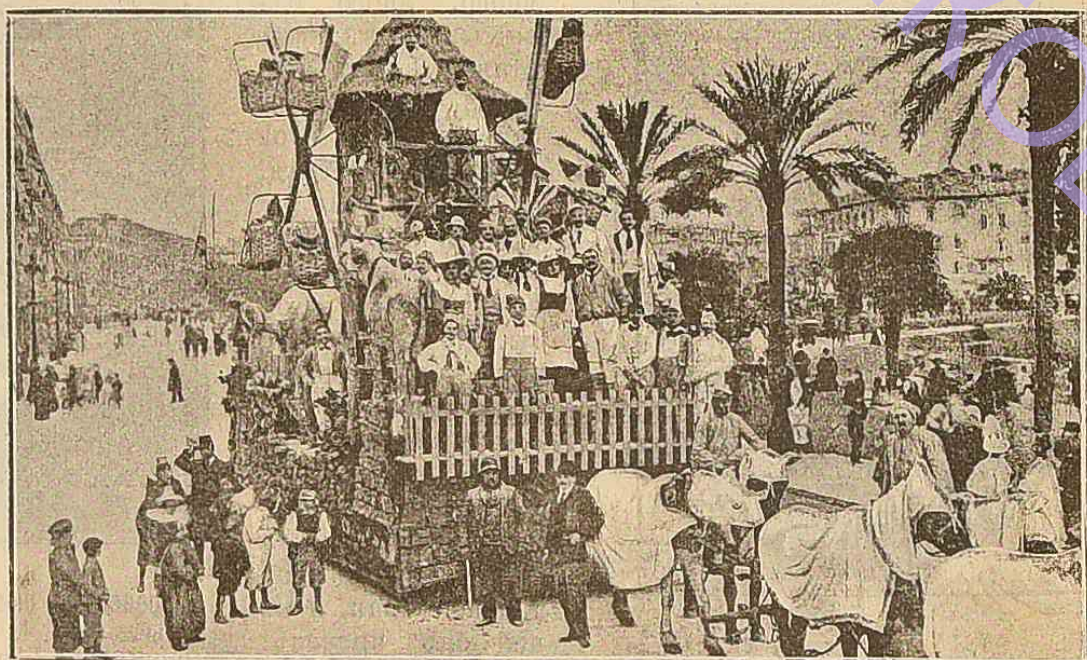
Не то плачь, не то Стопъ слышитъ въ странной мелодіи—безбрежная

„Битва цвѣтотъ“

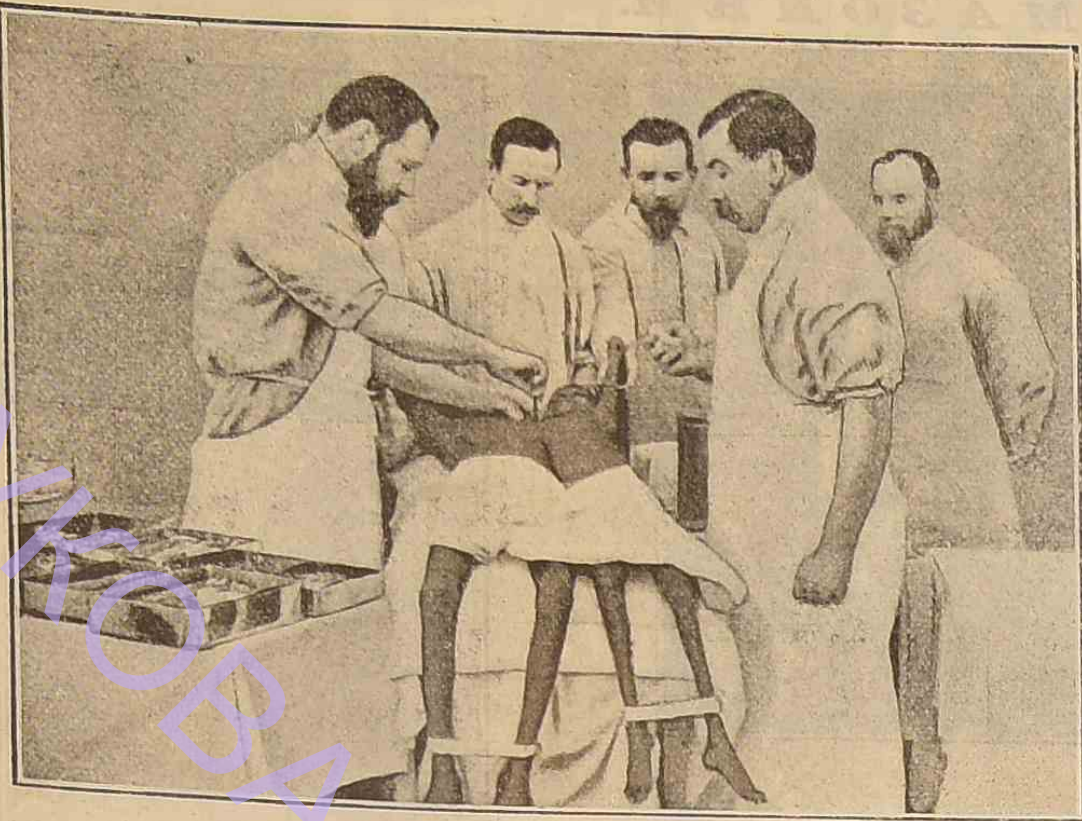

Триумфальный вѣздъ „короля“ карнавала.

Главчій карнавальнй поѣздъ

КАРНАВАЛЬ ВЪ НИЦЦѢ.

Знаменитый парижский хирург разделяет сросшиеся тела siamoских сестер близнецов Радки и Дудки.

Необыкновенная операция.

в ней тоска по несбыточным идеалам, какая-то гордая жалоба, какой-то призыв, какой-то укорь... И все эти странные тоны, сливаясь в один аккорд, звучать так уныло, что даже „морские волки“, старики, чьи сердца очерствели среди вихрей и бурь, сурово молчат, нахмурясь слушают пѣсню и это мѣсто прозвали „Волной погребальной“.

Лидія Лебедева.

ПРОМЕТЕЙ

Изъ А. Нѣмцова.

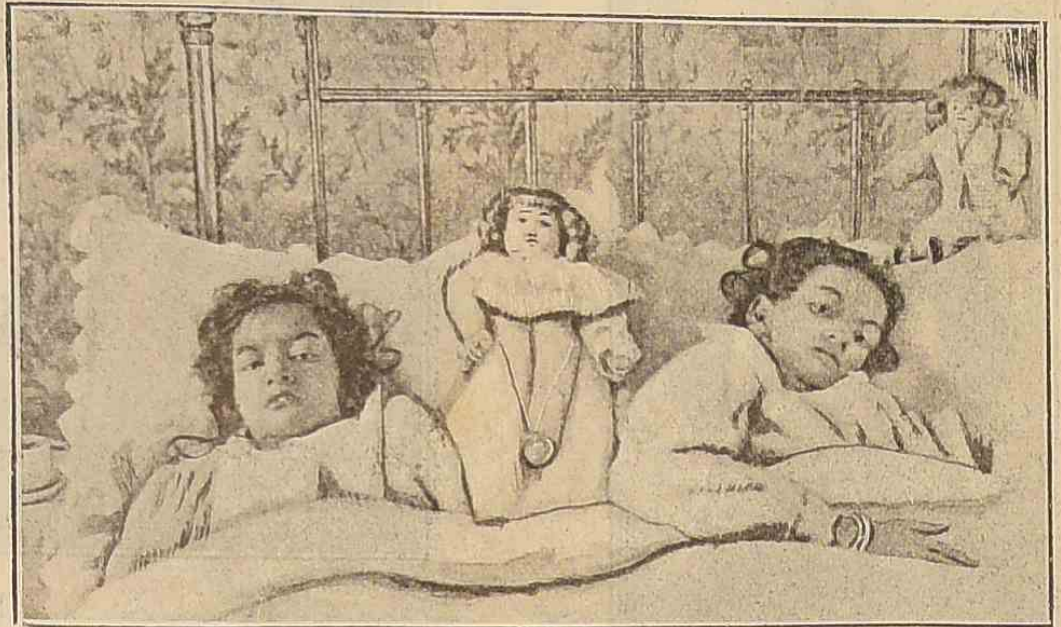
Переводъ съ польскаго для „Од. Нов.“ (Окончаніе *).

— Такъ что же? — холодно спросил богъ пѣвца.
— Нужно защищаться! Советуй намъ что-нибудь! Гдѣ громовержецъ?
— Пойщите его! — отвѣчалъ Аполлонъ.
— Куда же ты идешь?

*) См. „Од. Нов.“ № 540

— Я? — спросилъ Аполлонъ, смотря на испуганныя лица боговъ.
— Я? — повторилъ онъ — и иду... въ страну

пошелъ дальше и исчезъ на поворотѣ дороги.
— Смерть безсмертнымъ! — раздалось уже

Сестры послѣ операціи.

Страшная катастрофа въ Нью-Йоркѣ 14 января с. г.

Во время работъ въ желѣзнодорожномъ туннелѣ случайнымъ взрывомъ динамита разрушенъ самый туннель, большой вокзалъ и пять частныхъ домовъ.

въ рощахъ и лѣсахъ Олимпа, и стѣны свѣтлыя повторили эхомъ этого крикъ. Боги пришли въ ужасъ. Вдругъ они почувствовали на себѣ чей-то сильный, пронизывающій взглядъ, повернулись и на пригоркѣ увидѣли громовержца.

Протинули къ нему руки, попадали на колѣни. Богини, сбѣжавшія въ эту минуту со всѣхъ сторонъ, начали плакать и падать въ обморокъ. Дрогнули киварисы, зашумѣли мурты и туи, а съ розовыхъ деревьевъ, будто поздней осенью, посыпались лепестки розъ.

Громовержецъ нахмурился. Наступила тишина.

— Чего вы хотите? — спросилъ онъ угрюмо.

Сейчасъ же со всѣхъ сторонъ посыпались жалобы и просьбы.

— Защищай насъ! — кричали одни.

— Гдѣ твой громъ? — спрашивали другіе.

— Гдѣ твой гнѣвъ?

— Гдѣ твои мысли?

Но всѣ эти крики были покрыты ужаснымъ неистовымъ крикомъ:

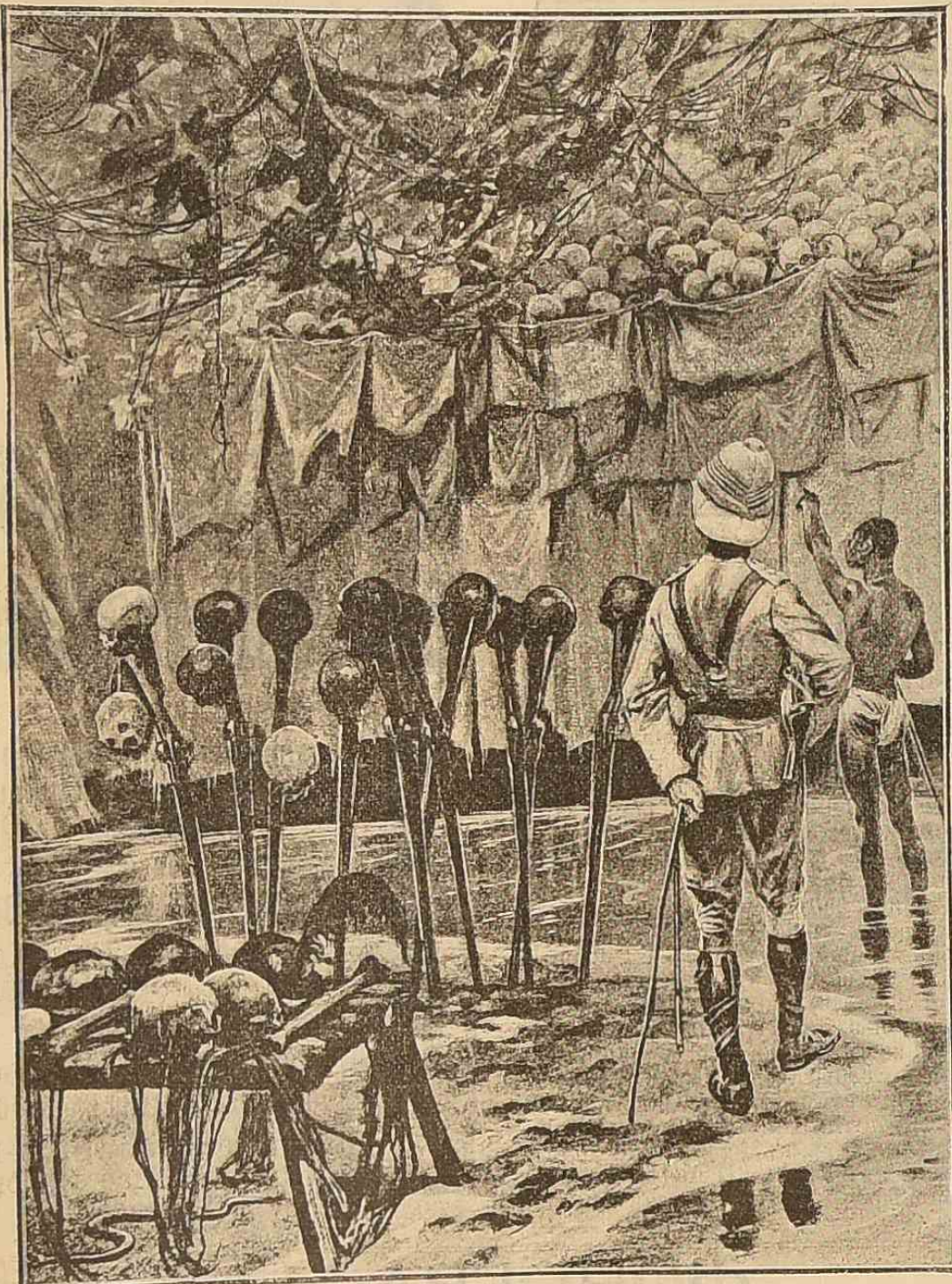
— Смерть безсмертнымъ! низвергнутыхъ, убить!..

Боги пали ницъ передъ громовержцемъ.

— Слышите? — кричали они, показывая руками въ даль.

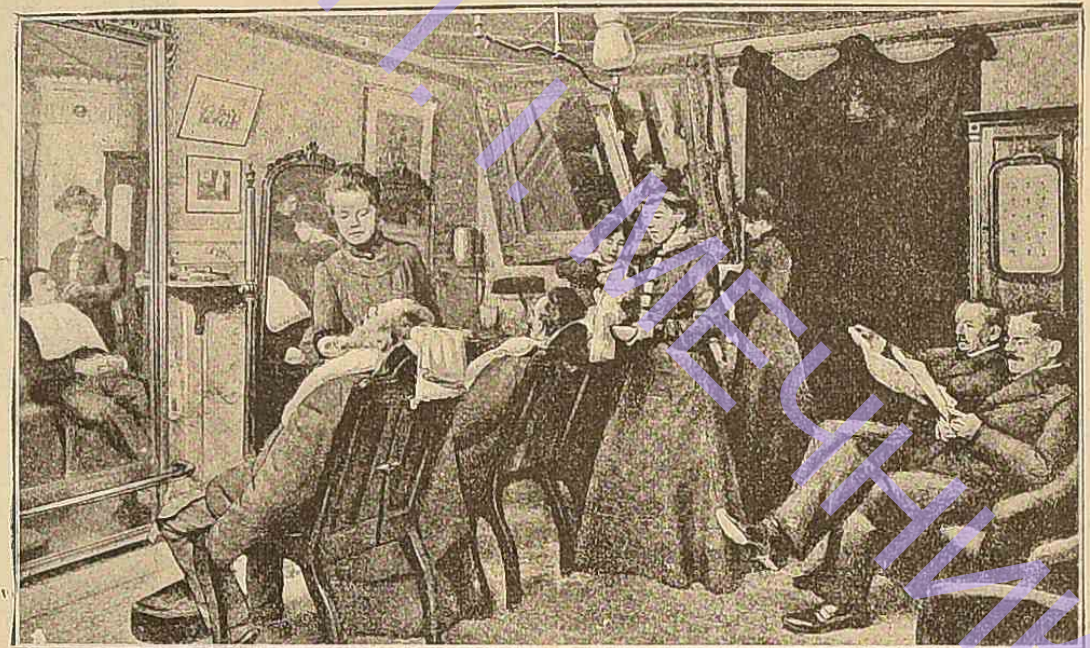
басень!..

Боги остолбѣли. Смотрѣли на него съ раскрытыми ртами, какъ-бы не понимая его словъ. А онъ, даже не кивнувъ головой,

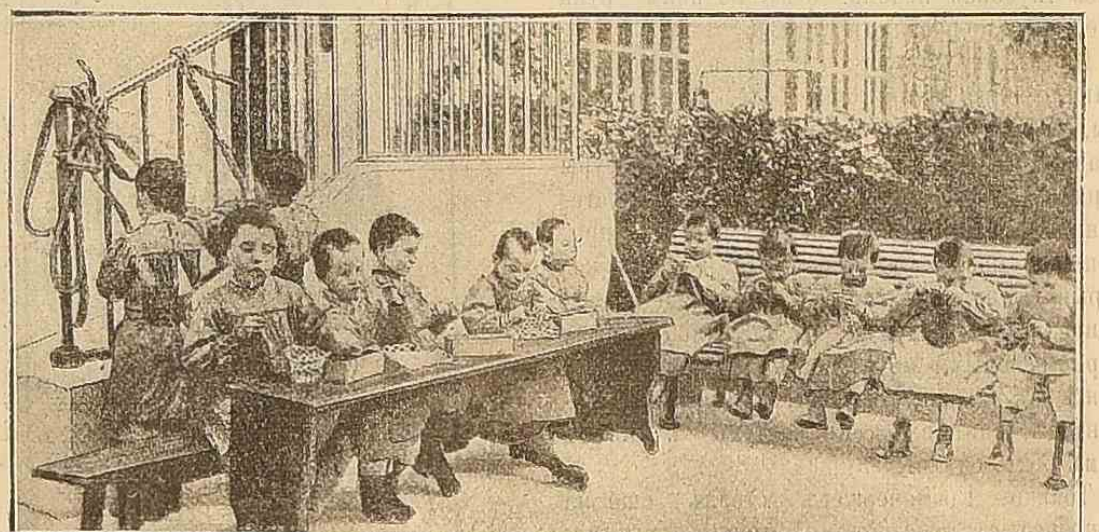

„Культъ мертвыхъ“ въ Африкѣ.

Члены британской экспедиціи въ Нигеріи на дутѣ своемъ открыли обширную пещеру, наполненную черепами, сложенными въ кучу или подруженными на старыхъ ружьяхъ, и въ которую негры изъ племени Аро приходятъ для поклоненія предкамъ и жертвоприношеній.

Дамская парикмахерская въ Стокгольмѣ.

Въ одномъ французскомъ пріютѣ для слѣпыхъ дѣтей. Ручныя работы въ дѣтскомъ саду.

НОВѢЙШІЯ АМАЗОНКИ.

Принцесса датская въ костюмѣ пожарнаго офицера.

— Неужели притушились огненные стрѣлы твоего грома?

— Неужели и тебя могутъ тоштать погамы? Неужели могутъ оплевывать твое чело? Могутъ низвергнуть твой свѣтъ?

— Неужели и тебя низвергнетъ людская толпа, и Прометей наступитъ своей ногою

На кегельбанѣ.

но уста его уже не двигались. Могильный холод сковалъ ихъ. Взглядъ очей его утратилъ свой блескъ и сталъ холоденъ какъ мраморъ. Отжелезѣнія руки опустились внизъ и скрылись въ складкахъ бѣлой тоги, которая, казалось, окаменѣла. Лицо его сдѣлалось неподвижнымъ.

Вокругъ воцарилась тишина. Только вдали, на острокопечной вершинѣ Олимпа, залитой зеленоватымъ блескомъ луны, видѣлись толпы людей съ свѣтильниками въ

рукахъ. А надъ ихъ головами высилась точно вылига изъ бронзы фигура, съ красивымъ пчелнымъ на груди, и съ глазами, горящими точно звѣзды въ ночной темнотѣ. Эти глаза были устремлены въ далекую будущность.

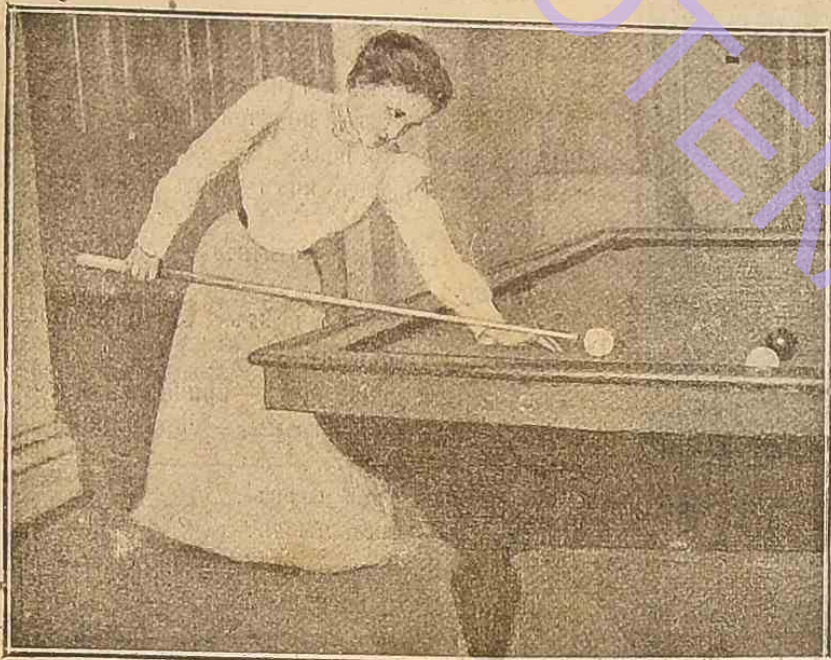
Влад. Т—овъ.

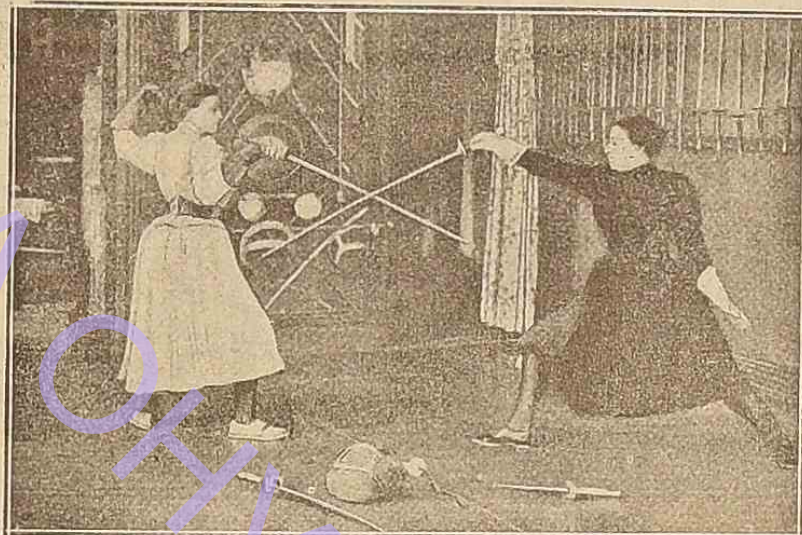
Стрѣльба изъ ружья.

республики имѣются свои женскія гимнастическія общества и дамскія пожарныя дружины. Во всѣхъ этихъ играхъ и упражненіяхъ американки сплошь и рядомъ достигаютъ такого совершенства, что на состязаніяхъ нерѣдко отбиваютъ призы у мужчинъ. За то нигдѣ въ Европѣ за исключеніемъ развѣ Англій, дамы „назъ общества“ не пользуются такимъ дивнымъ здоровьемъ и такъ медленно не старѣютъ какъ въ Америкѣ. Въ то время, какъ солидная, неподвижная нѣмка къ тридцати годамъ представляетъ уже одержимую разными недугами старуху, англичанка и американка нерѣдко до пятидесяти лѣтъ сохраняютъ всю свѣжесть и здоровье молодости.

Въ настоящемъ номерѣ читатели найдутъ рядъ рисунковъ, иллюстрирующихъ эту сторону жизни заатлантической женщины.

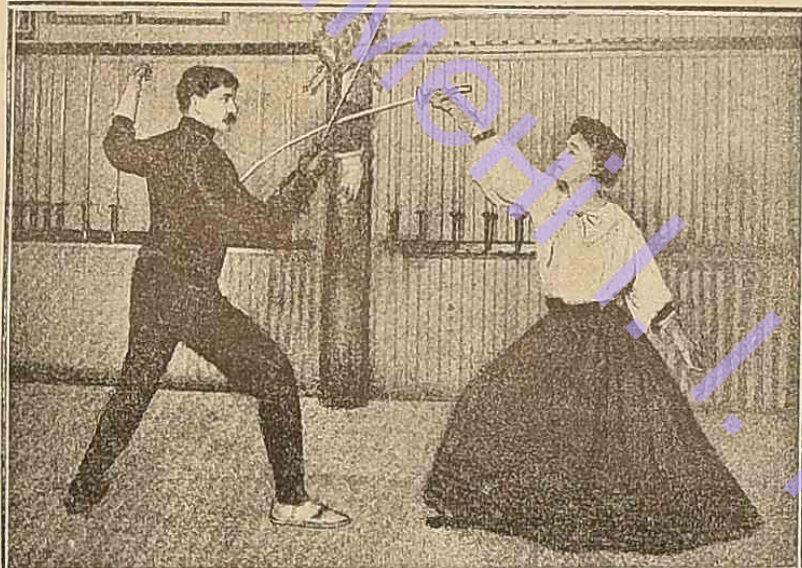
За биллардомъ.

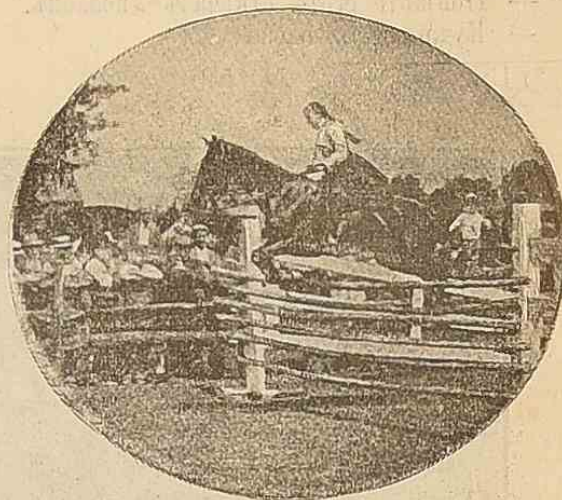
Фехтовальщицы.

Игра въ football: метаніе мяча въ лежачемъ положеніи.

Посидинокъ съ фехтмейстеромъ.

Скачка съ препятствіями.

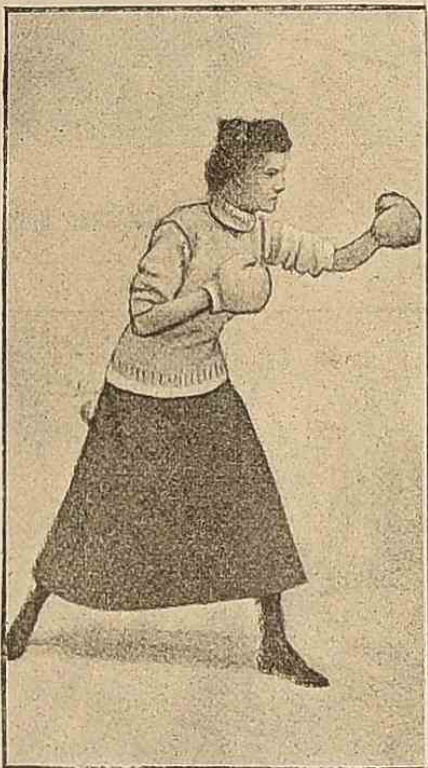
на твою грудь?

Громовержець поднялъ глаза—но тишина наступила только около него. А тамъ, въ рощахъ и лѣсахъ, какъ море шумѣла буря людскихъ голосовъ и тамъ и сямъ среди миртъ и лавровъ мелькали огни факеловъ.

На суровомъ лицѣ Громовержца разлилась глубокая печаль. Онъ поднялъ руки вверхъ и пошевелилъ устамп.

Но въ эту минуту случилось чудо. Лежавшіе вѣкъ у пригорка боги, богини, нимфы, всѣ безсмертныя—все сдѣлалось прозрачнымъ и странно молчаливымъ. Фигуры теряли свои очертанія и краски, и постепенно обращались въ безформенную прозрачную массу, въ бѣловатый туманъ, который становился все рѣже и рѣже и разсѣивался въ воздухѣ, расплываясь между черно зелеными пирамидами кипарисовъ, теряясь въ вѣтвяхъ огромныхъ миртовыхъ деревьевъ, вонтываясь въ воздухъ и тая въ немъ безъ слѣда.

Только Громовержець стоялъ еще на пригоркѣ съ простертыми вверхъ руками;

Боксъ: атака.

НовѢйшія амазонки.

Секретъ „вѣчной молодости“ лежитъ въ развитіи физическихъ силъ какъ мужчины такъ и женщины, въ разнообразныхъ телесныхъ упражненіяхъ и въ разумномъ спортѣ. Къ сожалѣнію, на эту сторону воспитанія женщинъ у насъ обращаютъ слишкомъ мало вниманія. Примѣромъ и образцомъ для насъ въ этомъ отношеніи можетъ служить далекая Америка. Тамъ женщина не знаетъ ни развѣченности нервовъ, ни мигреней, ни анемій. Тамъ молодыя матери соревнуютъ съ своими дочерьми въ искусствѣ владѣнія холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, въ биллиардной игрѣ и въ игрѣ въ кегли. Американка также хорошо справляется съ кровнымъ рысакомъ, какъ съ велосипедомъ и автомобилемъ. Она участвуетъ въ гребныхъ гонкахъ, усердно играетъ въ крикетъ, въ football, въ лунгтеннисъ и въ гольфъ. И почти въ каждомъ большомъ городѣ заатлантической

Лучшій другъ желудка ВИНО СЕНЬ-РАФАЭЛЬ

предлагается какъ тоническое, укрѣпляющее и способствующее пищеваренію.

БРОШЮРА О СЕНЬ-РАФАЭЛЬСКОМЪ ВИНѢ

какъ о питательномъ укрѣпляющемъ и цѣлебномъ средствѣ,

д-ра де-БАРРЕ

высылается по требованію. ОНО ПРЕВОСХОДНО НА ВКУСЪ.

Compagnie du vin St.-Raphael. Valence, Drome, France.

ФОНОГРАФЫ С. УТОЧКИНЪ

Магазинъ, Екатерининская площадь.